

Засл. арт. Н. П. Хмелев

Леонидов

(К 40-летию сценической деятельности)

Я счастлив, что имею возможность публично высказать те мысли и чувства, которые связаны у меня с именем величайшего трагика современной русской сцены — Леонида Мироновича Леонидова. Леонидов не только актер трагического амплуа, умеющий потрясать и десятки раз потрясавший зрительный зал, не только режиссер-педагог, преподающий науку сценического мастерства. Леонидов — явление гораздо более глубокое, сложное и разностороннее. В нем есть и другая сторона мастерства. Леонидов «актер для актеров», как бывают поэты для поэтов, композиторы для композиторов, живописцы для живописцев и т. д. Я здесь имею в виду не какие-то узко-профессиональные, доступные только кругу посвященных его творческие особенности. Нет, всегда и на сцене, и в репетиционном зале Леонидов одинаково прост и понятен, потрясаящие глубок, проникновенен, добирается до самых сокровенных тайников человеческого сознания.

Я говорю о Леонидове «за кулисами», о Леонидове в репетиционном зале, о Леонидове, которого зрители никогда не видят. Так исчерпать трагическую тему предложенной роли, как Леонидов, — мало кто умеет, так жить на сцене, а не «играть» образ, как умеет Леонидов, мало кому дано. Я видел немало трагиков старой русской и западной сцены. Но необычайно простая манера «леонидовской» игры, его как бы пламенеющий интеллект выделяют его из всей блестящей плеяды мастеров мировой сцены.

Я хочу рассказать читателям о Леонидове, как актере и учителе актеров. В 1920 г., вскоре после поступления в школу Художественного теат-

ра, я работал под руководством Леонидова над ролью штабс-капитана Снегирева в «Братьях Карамазовых». Глубочайшая человечность и «внутренняя надрытость», олицетворенные в этом образе гениальным Москвинным, «заразили» меня, и я дерзнул испытать свои детские актерские силы в этой роли. Помню, как я репетировал с Леонидовым. Леонид Миронович не принадлежит к числу обычных педагогов. Он не любит рассказывать актеру все о его роли, он не любит словесно вразумлять. Сила Леонидова — в убеждении мыслью, конкретным примером, показом, в том, что он уме-

ет одной какой-нибудь репликой, замечанием увлечь актера. Я начал монолог Снегирева, Леонидов со скучающим видом сидел на подоконнике, смотрел в окно. Я рассказывал, читал, изображал, «нагонял нерв», темперамент, бегал по комнате, стараясь чем-то напомнить «обиженного человека», каким я тогда понимал это сложное и большое явление русской жизни. Леонид Миронович молчал, выдерживая свои необыкновенные «леонидовские» паузы. Неожиданно он меня прервал:

— Все это очень хорошо, молодой человек, но где же мысль ваша, мысль!

Я стал объяснять, как умел.

— Нет, простите, это какая-то мышишка, вы изображаете образ, а не живете жизнью штабс-капитана Снегирева. Покажите мне душу капитана Снегирева. Я хочу видеть, где и что в него болит!

Я начал свою работу сызнова.

К каждой репетиции Леонидов всегда готовится, как к публичному спектаклю. Партнеру по игре и ученику он умеет, как никто, сообщать понимающие глубины воплощаемого образа.

Л. М. Леонидов — актер неровный. Он знает и неудачи. Он не из тех актеров, которые поражают блеском игры, внешностью, приемом. Но иные его роли, расцененные впоследствии критиками, как неудачи, для нас, актеров Художественного театра, видевших его на репетициях, являются непревзойденными вершинами мастерства. Наши профессиональные критики писали в свое время о неудаче Леонидова в роли Каина, они упрекали его, что в этой роли он дал не первоначальный титанический образ, а «какого-то «ярославского мужика». Я

помню одну из первых репетиций байроновского «Каина». Леонидов не стремился запугать зрителя отвлеченным, неземным ужасом. Наоборот, Леонидов играл человека близкого, понятного и привычного всем нам.

Каин—Леонидов восстал против неба и бога, против всего миропорядка, против установленных понятий о справедливости и праве. Он говорил, и каждое слово его, как оженный камень, западало глубоко в душу. Исчезла условная преграда отсутствовавшей рампы. Как внезапный ураган, увлек он сердца и чувства всех нас, юных энтузиастов великого театра сценической правды. Это не был Прометей-небожитель, а человек — земной, близкий нам, боли и муки которого понятны и ощутимы. Таков один из многочисленных примеров проникновения Леонидова в глубочайшую сущность, в «сверхзадачу», поставленную перед актером, драматургом и режиссером.

Вспоминается и другой случай. Леонидов репетировал Отелло. Сценическая выгородка, часть декораций установлены, а Леонидов без грима и костюма репетирует свою сцену. Четвертый акт: эпизод удушения Дездемоны. Леонидов—Отелло выходит из правой кулисы, направляется к ложу супруги, чуть и бояливо прислушиваясь к каждому шороху, к каждому скрипу половицы. Книжал полководца заткнут у Леонидова Мироновича за борт пиджака. В течение всей сцены он вынимает книжал и медленно опускает его обратно. Мы не могли двигаться, охваченные восторгом изумления и потрясенные силой актерской правды. Мы забыли, что можно освободить себя, разрядив свои чувства рукоприкладаниями. Мы все молчали. Но когда мы разошлись, мы ощутили себя как бы душевно обновленными.

О другом случае, связанном с Леонидовым в роли Дмитрия Карамазова, мне рассказывали друзья актеры. Однажды во время спектакля узкое трико Дмитрия лопнуло на Леонидове. Это было в сцене допроса в Мокром. В зрительном зале начали раздавать-

ся глупые смешки. Леонидов, почувствовав, что зрительный зал «уходит» от него, вдруг повернулся к рампе, острым, нервным, властным жестом руки собрал лопнувшее трико и начал монолог Дмитрия: «Уако, уако, смейтесь, господа!» Зрительный зал растерялся, смешки моментально стихли, а через несколько минут глубоко потрясенные сотни людей встали и устроили актеру долго несмолкавшую овацию.

Я не театровед. Я только делюсь клочками воспоминаний. О Леонидове надо говорить и вспоминать очень много и очень серьезно. Это должны сделать все актеры нашего и других театров, и чем скорее — тем лучше. Человеческая память ненадежна, она слабеет с годами, многое будет забыто и утеряно.

Помню зиму 1919 г. На вечере в Политехническом музее Леонидов читает «Последнее слово» Дмитрия Карамазова на суде. Леонид Миронович вышел в вальехах, в темном костюме, в свитере под пиджаком. Тогда в зале было очень холодно. Он обвел долгим взглядом аудиторию, и я заметил, как в глазах его как бы раскрылась некая — по выражению Константина Сергеевича Станиславского — «калитка».

— Господа, присяжные заседатели!.. И я, никогда до того не выдавший Леонидова в роли Карамазова, почувствовал все выстраданное, передуманное, пережитое Дмитрием. В одном монологе была показана вся жизнь человека, с ее муками, внутренними борениями и бессилием в борьбе с самим собой. Уже в первых нескольких фразах мы видели Дмитрия Карамазова с его «растегнутой душой» и «растегнутым сердцем». Кроме того, что это было глубоко и волнующе по содержанию, это было совершенно по актерской форме игры, ибо форма явилась здесь следствием внутренней правды образа.

Леонидов не принадлежит к актерам, играющим «на публику». У него бывали срывы, потому что он всегда играет по вдохновению. Среди актеров существует ходячее мнение, что Ле-

онидов «актер нутра» и что актерской техникой он не владеет. Это чепуха. Вся сила актерской техники Леонидова именно в том, что он использует ее не для чеканки сценических шаблонов, а для того, чтобы найти тончайшие нюансы и движения человеческой души. Разве актеру без титанической актерской техники было бы по силам сыграть такие различные по характеру и «амплуа» роли, какие сыграл Леонидов? Список леонидовских ролей не мал и чрезвычайно разнообразен. Кер Гюнт и Лопахин, Горюхин и доктор Керженцев («Мысль» Андреева), Иван Прокофьевич Пазухин в «Смерти Пазухина» и Трыпачев в «Нахлебнике», профессор Бородин и Егор Булычев и много, много других. Природа актерского темперамента Леонидова настолько своеобразна и индивидуальна, что не может быть сравниваема с актерскими гениями других великих мастеров Художественного театра — Качалова и Москвина. В перечисленных ролях имеются такие, которыми свойственны и комедийные черты. И их Леонидов играл не «в угоду глубине», не стараясь рассмешить зрительный зал. Он сумел передать зрителю свое понимание, свое истолкование жизни этих людей. Фактически он не играл, а жил на сцене в образах этих персонажей.

К некоторым ролям (а может быть и ко всем) у Леонидова имеется своеобразный «ключ», скрытый в одной какой-нибудь реплике. Когда Леонид Миронович произносит реплику проф. Бородина: «Что делается с людьми, я вас спрашиваю?» — перед зрителем сразу возникает образ этого замечательного ученого. Бородин — одно из лучших созданий леонидовского таланта.

Про Леонидова никогда нельзя сказать, что он исчерпал всего себя. Каждая новая работа, каждая новая встреча неожиданно открывает в нем новые грани его поистине титанического актерского таланта. Сейчас он работает над ролью Пямена в «Борисе Годунове». С каким глубоким пониманием Пушкина, с какой эруди-

цией, с каким завидным знанием материала он подошел к этой работе!

Отдельная тема — это Леонидов-человек! Какой это благородный ум, образованный актер, какая тонкая артистическая психика, какое умение остро и глубоко проникать в самые сложные исторические ситуации и явления! Традиционная актерщина враждебна его натуре. В моем сознании Леонидов навсегда останется символом глубочайшей человеческой искренности, синонимом творческой совести актера. Как своеобразно, с какой страстью Леонидов читает газету, как он умеет понимать смысл и содержание каждого факта, о котором сообщается в газетной статье и телеграмме.

Леонидов стал плотью от плоти нашей эпохи. Он гонял всем существом своим, всей своей чуткой душой художника «что такое происходит с человеком» в наши дни — и это он передает в зрительный зал. К сожалению, он в последние годы, по состоянию своего здоровья, играет очень мало. Я хочу выразить пожелание и надежды (думаю, что это надежды и пожелания всех советских актеров), что Леонидов еще сыграет немало новых ролей в самом близком будущем; что ему будет дано величайшее счастье, доступное художнику, — целиком и без остатка высказать себя на сцене в новых образах, в новых ролях. Так будет до конца написана одна из самых блестящих страниц театра — страница об актере-мыслителе и большом человеке чувства, о благородном интеллекте артиста, единственной темой которого был человек в мучительных противоречиях его борьбы с самим собой и с враждебным историческим окружением. Когда советские драматурги создадут в ближайшем будущем новые пьесы о современном советском человеке, торжествующем в борьбе со всем, что препятствует построению социалистического общества, и в них будут роли для трагического таланта Леонидова, — это будет лучшим подарком, какой страна может сделать своему великому актеру.